

ДМИТРИЙ МАЗУНИН

ВРЕМЕННАЯ ГИБЕЛЬ ТЕЛА

Дмитрий Мазунин

Временная гибель тела

«Издательские решения»

Мазунин Д.

Временная гибель тела / Д. Мазунин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624584-6

Человек, столкнувшийся с какой-либо проблемой и понуждаемый ею мыслить, должен принять решение и даже больше — создать для себя программу совершенствования. Фантазии превращаются в реальность? Впрочем, мы сами создаем мир таким, какой он есть! Мы сами создадим мир таким, какой он должен быть! Вот мир, в котором я хотел бы жить! И все-таки: мы действительно сами создаем мир, в котором живем, или нет?

ISBN 978-5-00-624584-6

© Мазунин Д.
© Издательские решения

Содержание

Д. Мазунин	6
Вова	7
Петр Евграфович	10
Мустафа	12
Больница	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Временная гибель тела

Дмитрий Мазунин

© Дмитрий Мазунин, 2024

ISBN 978-5-0062-4584-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Д. Мазунин

Временная гибель тела

Человек, столкнувшийся с какой-либо проблемой и понуждаемый ею мыслить, должен принять решение и даже больше – создать для себя программу совершенствования. Фантазии превращаются в реальность? Впрочем, мы сами создаем мир таким, какой он есть! Мы сами создадим мир таким, какой он должен быть! Вот мир, в котором я хотел бы жить! И все-таки: мы действительно сами создаем мир, в котором живем, или нет?

Вова

Город был небольшой. Дома разных форм и расцветок: квадратные, треугольные и даже круглые, причем не всегда правильной геометрической формы, своими крышами упирались в ярко-голубое небо, по которому плыли разноцветные облака.

Тротуарная плитка, напоминающая пазлы, была выкрашена в цвет стен строения, вдоль которого была уложена. Создавалось впечатление, что идешь в середине радуги.

Владимир посмотрел на часы. Двенадцать. Как медленно течет время! Постучал по циферблату, приложил часы к уху, но тиканья не услышал. «Сломались! Какая досада». Он оглянулся: прохожих не было, но в конце улицы из-за крыши дома выглядывал шпиль башни. Скорее всего, там у них центральная площадь, и наверняка есть башенные часы.

Володя прибавил шаг и, к своему удивлению, заметил, что скорость движения не увеличивается, тогда он попытался бежать – результат оказался неизменным. «Что за черт?» – выругался он, и тут же впереди увидел, как из дома вышел кто-то в черном плаще с капюшоном. «Подождите, подождите, пожалуйста! Не подскажите, который час?» – крикнул Владимир, надеясь, что этот вопрос заставит незнакомца остановиться, но фигура не оборачивалась, и расстояние до нее никак не сокращалось. «Тьфу, тьфу, тьфу, – поплевал он через левое плечо, – мистика какая-то», – и фигура тут же скрылась в подъезде дома.

Он дошел до площади, и его взору предстало странное сооружение – пирамида, сложенная из огромных автомобильных покрышек различных диаметров: чем выше от земли, тем меньше. Самая нижняя была покрашена почти в черный цвет. Постепенно они становились все светлее, в центре конструкции были белые, а к вершине снова темнели. Посредине, принимая форму и диаметр колеса, растекаясь большой круглый циферблат часов, но почему-то без стрелок. Он измерил шагами диаметр нижней покрышки, получилось 60 шагов. «Если мой шаг примерно 80 см, то диаметр колеса не меньше 50 метров», – сделал нехитрый расчет Вовчик и подумал: «Где же такие огромные автомобили производят?» Представил себе эдакую машину: «По этой улице ей точно не проехать!» Он посмотрел вверх конструкции и машинально пересчитал все покрышки. Получилось 24 штуки. Часы находились на 14-й, и тут его осенило: он взглянул на свои, которые показывали 14:00. «Как же так?» – удивился Володя и снова поднес часы к уху – тиканья по-прежнему не было. Ведь и расцветка колес, и цвета – бордовый, голубой, темно-синий, серый – это же постепенный переход цветов неба: восход, закат, ночь, день. «Круто! Чудеса да и только...» – подумал он, еще раз взглянув на треугольное ярко-оранжевое облако.

Вдруг донесся шум мотора, к нему приближался некто на мотоцикле: «Вот кто мне сейчас все объяснит! Ба, да это же собака!»

И действительно, это была собака, только в мотоциклетном шлеме. К ее лапам были приделаны колеса, как у детской коляски, а из-под хвоста вился темно-зеленый дымок.

Скрипнули тормоза, и прикольный барбос остановился около него.

«Гутен таг, – приветствовал его пес, – ой, извини... привет, программа сбилась на немецкий! Ты же русский?»

«Да, а зовут меня Володя», – запросто ответил молодой человек, как будто каждый день разговаривал с собаками.

«Очень приятно, пес Чаппи, – представился „мотоциклист“. – А что ты Володя, я уже знаю, мне сообщили», – пес протянул ему лапу, колесо при этом осталось стоять на земле. Вовчик уверенно лапу пожал.

«Ну, пошли, покажу тебе город. Кстати, сегодня я твой гид. Извини, что опоздал, вчера с другом посидели. Туда-сюда... Ну, понимаешь, о чем я?»

– пес хитро подмигнул заросшим шерстью глазом. – Колесо под диван закатилось, искал долго».

«Где все люди?» – допытывался Володя.

«Спят еще все, глянь на часы – всего два тридцать, – пояснил Чаппи. – Богема! Чего с них взять», – он посмотрел на башню, где циферблат наполовину закрыл пятнадцатое колесо.

«Вперед, мой друг!» – воскликнул пес, как будто они знали друг друга не один десяток лет.

Пошли дальше, то есть Володя пошел, а его новый знакомый покатился, и звук моторчика его средства передвижения чем-то напоминал стрекот кузнечиков.

«Это галерея портретов почетных граждан нашего города!» – сообщил Чаппи.

Владимир пристально вглядывался в лица: это были не фотографии, а, действительно, портреты, причем, где-то он их уже видел. И чем дальше смотрел на них, тем отчетливей становилось это чувство. Володя повернул в обратную сторону, а мозг тем временем мучительно искал ответ на вопрос. «Кто они?» У последнего портрета он задержался. Черты лица явно знакомы...

– Блин, это же Малевич! – продемонстрировал Вовчик свою эрудицию.

– Правильно, – похвалил его Чаппи, – а дальше портреты других художников – Кандинского, Дали, Поля Дельво¹, Фриды Кало², Ив Танги³ и так далее...

– Не может быть, – запротестовал Вова, – ты морочишь мне голову!

– Не веришь, посмотри еще раз, – парировал пес.

– Все, пошли, в моем сознании это не укладывается, я хочу домой!

– Ничего, привыкнешь, – спокойно ответил пес, – завтра продолжим.

Кстати, видишь вон там фиолетовый дом? Зайдешь в подъезд, второй этаж направо – твоя квартира. Ключ у тебя в кармане.

Моторчик застрекотал, диковинный аппарат выпустил клуб зеленого дыма и исчез за углом.

«Я схожу с ума! Чушь какая-то».

Володя зашел в подъезд г-образного дома. Достал из кармана ключ, вставил в замочную скважину. Повернул два раза, толкнул плечом дверь, которая тихонько скрипнула и распахнулась. Он оказался в своей квартире, прошел в комнату и сел на диван, покрытый, как и вся мебель, толстым слоем пыли. Тяжело вздохнув, откинулся на спинку дивана и мгновенно заснул.

Прошло не более получаса, и Володя проснулся. Вспоминая все произошедшее, подумал: «Надо же, такое приснится! Запомнить нужно, хорошая картина получится! Ну, раз уж я вышел из больницы, надо это дело отметить», – он потянулся к телефону и набрал номер друга. В трубке раздались длинные гудки. «Так, никого...» Он обзвонил всех своих товарищей, но никто не откликнулся.

«Печально», – высказал Вова вслух свое неудовольствие. Вдруг раздался телефонный звонок.

– Свиноферма колхоза «Путь Ильича» слушает, – пошутил он.

– Вечно ты со своими шуточками, – ответили на другом конце.

– Кто это?

– Я, Маруся, только что из деревни приехала, от родителей. Тебе чего-нибудь еще в больницу принести?

– Нет, не надо, меня выписали. Спасибо, Марусечка, за заботу! Хотел это событие отметить, но никто трубку не берет. Кстати, ты первая, кто мне позвонил. Приходи, вместе «накажем»!

– Я рада, что у тебя все хорошо. Выкарабкался, значит!

– Да. Жив, здоров, полон энергии и творческих планов!

– А я уже думала, что ты умрешь...

Володя хотел было ответить, но раздались короткие гудки.

«Вот блин! Космические корабли бороздят просторы Вселенной, а связь, как...» – разглагольствовал Вовчик вслух, открывая шторы на окнах, и вдруг замер: квадратное солнце освещало окрестности, по тротуарам двигались странные органические создания, не похожие ни на какие реальные существа.

«Я, конечно, мечтал о городе будущего. Мечтал о роботизации, о современных городах, но чтоб вот так сразу?! Это просто не укладывается в сознании... Фантазии превратились в реальность? Впрочем, мы сами создаем мир таким, какой он есть!» Володя задернул шторы: «Ничего, еще и не к такому люди привыкают! А может, это фильм какой-нибудь снимают?»

Петр Евграфович

– Товарищи! XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза завершает свою работу. Он, несомненно, займет достойное место в истории нашей партии и страны.

Эти слова Леонида Ильича Брежнева вновь были встречены бурными аплодисментами делегатов.

Петр Евграфович сидел в Кремлевском Дворце съездов. Чувство гордости и единения со всеми участниками этого форума переполняло его. Плечом к плечу, в едином порыве советские люди достигли небывалых высот в экономике, во внутренней и внешней политике. В зале присутствовали представители коммунистических, рабочих, национально-демократических и левых социалистических партий из 86 стран – посланцы всех континентов Земного шара. И Петр Евграфович также находился среди них, мало того, он был одним из 4619 делегатом с правом решающего голоса.

– Мы коллективно выработали стратегическую линию работы партии на ближайшие годы. В центре нашего внимания были важнейшие вопросы политики, – продолжал Леонид Ильич.

Овации нарастали, как волна, как «Девятый вал» на картине Айвазовского. Но там мощь стихии означала неминуемую гибель, здесь же, наоборот, коллективная, созидательная энергия людей была устремлена к жизни, к будущему. Сердце Петра Евграфовича билось учащенно, и он, насколько мог, сдерживал набегающие слезы.

– На съезд пришло огромное количество писем трудящихся, нескончаемый поток приветствий и добрых пожеланий в его адрес сопровождал каждый день нашей работы, – подчеркнул Генеральный секретарь.

«Приветствия и пожелания адресованы всем делегатам, значит, и мне в том числе», – подумал Петр Евграфович.

Первый спутник Луны передал с орбиты мелодию гимна всех коммунистов планеты – «Интернационала», которая сливалась с аплодисментами, сопровождавшими речь Леонида Ильича.

– Наша партия, созданная великим революционером Владимиром Ильичем Лениным, прошла славный боевой путь! – заявил он. – Товарищи делегаты! Вопросы, стоящие на повестке дня съезда, исчерпаны. Возвращайтесь в свои коллективы, в свои партийные организации и не жалейте сил для претворения в жизнь его решений!

Все встали, грянули бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.

Петр Евграфович чувствовал в эту минуту, что, если потребуется, он не пожалеет для реализации намеченных съездом грандиозных задач и самой жизни!

– XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза объявляю закрытым! – сказал Брежнев, и делегаты стоя запели партийный гимн.

Раздались возгласы из зала:

– Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Ура!

– Ленинскому Центральному Комитету – ура! – прокричал Петр Евграфович.

– Нашей партии – слава! Слава! Слава!

– Да здравствует мир! Ура!

Никогда еще он не испытывал такого чувства. Вены на висках от напряжения вздулись и, казалось, сейчас лопнут, но даже если бы в тот момент его настигла смерть, он умер бы счастливым. Эйфория, нирвана, катарсис – как угодно можно назвать его состояние, но это было ощущение, которое невозможно передать словами. Это была мощная стихия эмоций, которой нет смысла противостоять, и один человек был ничтожно мал перед этим ревушим потоком.

Товарищ Брежнев подходит к главам иностранных делегаций, обменивается с ними рукопожатиями, обнимается, целуется.

Петр Евграфович вернулся в родной город уже ночью.

– В обком, Василий, – скомандовал он водителю.

– Может, домой? – осторожно спросил тот. – Устали, небось, с дороги, Петр Евграфович.

– Дела. Дела! Время не ждет! – с энтузиазмом ответил ему коммунист.

Он прошел в свой кабинет, поприветствовав сторожа дядю Мишу, и провалился в привычное кресло. На столе лежали документы и почта. Ослабив узел галстука, Петр Евграфович не спеша стал просматривать корреспонденцию. Скрипнула дверь, в нее протиснулся сторож. Большие белые кустистые брови свисали из-под козырька старенькой железнодорожной фуражки.

– Чайку с дороги, Петр Евграфович? – предложил он, ставя два стакана чая в подстаканниках на стол. – С лимончиком, а?

– Почему бы и нет? – снимая пиджак и закатывая рукава рубашки, ответил тот. – Давай побалакаем, за чаем-то оно сподручнее. Знаешь, дядя Миша, на съезде такое было!

Ему не терпелось поделиться своими впечатлениями, в результате проговорили они час или два, и вот уже забрезжил рассвет...

– Вот так, дядя Миша, – подвел итог своему рассказу Петр Евграфович, открывая настежь окно. – Работы – непочатый край!

– Вот оно как, – поднимая указательным пальцем козырек фуражки, высказался дядя Миша. – Коммунизм, значит, скоро построим?

– Обязательно построим! Не сомневайся! Люди у нас хорошие. Поймут, на чьей стороне правда. Мы сами создадим мир таким, каким он должен быть.

Мустафа

Высокие сосны окружали его. Лесная дорога с глубокими колеями, поросшими травой и наполненными дождевой водой, была прямой как стрела. Голубое небо на горизонте сливалось с верхушками сосен и с дорогой. Мустафе казалось, что если он разбежится, то окунется в бархатистый манящий голубой поток воздуха. По траве расхаживали павлины, на ветвях сидели птицы невообразимых расцветок и форм, и их пение, сливаясь, превращалось в волшебную мелодию, как будто невидимый дирижер управляет этим многоголосым хором. Приятное умиротворение и сладостное чувство свободы переполняли его. Он прошел несколько десятков километров, но не чувствовал никакой усталости – и это после длительного пребывания на больничной койке. По обочине дороги росли ягоды, и путник утолял ими голод. Зачерпывая пригоршнями воду из родников, утолял жажду. Ничего вкуснее в своей жизни Мустафа не пил. Все его тело словно наполнилось энергией, и казалось, будто время вдруг остановилось. По его подсчетам, уже давно должна была наступить ночь, но солнце, казалось, светило еще ярче.

Вдруг лес резко оборвался, и дорога разделилась на две тропинки: одна, извиваясь и петляя, уходила в скалистые горы, другая – в бескрайние заливные луга, теряясь в сочно-зеленой траве.

«Какое направление выбрать?» – задумался Мустафа. Справа луга и родники, слева – скалистые горы, покрытые жалкой растительностью. Вдруг на тропинку, ведущую в горы, сорвался и с грохотом покатился вниз большой камень, увлекая за собой другие, поменьше, и образуя целую каменистую «речку», которая исчезала в ущелье. Мустафе сразу вспомнилось детство, его восточная натура встрепенулась, и, наконец, выбор был сделан. В конце концов, всегда ведь можно вернуться. И с уверенностью человека, принявшего трудное, но правильное решение, Мустафа шагнул на тропинку, ведущую в горы.

Унылый пейзаж окружал его, и вдруг впереди появился слабый дымок. «Туда! Наверняка там есть люди», – решил путник.

Через некоторое время он взобрался на вершину, и его взору предстала деревня в долине – с ровными рядами улиц и обширными фруктовыми садами с раскидистыми деревьями. Мустафа не спеша стал спускаться, боясь, что все это – неправда, мираж, и что, если он ускорит шаг, эта красивая картина в один миг исчезнет. Но нет: вот уже вполне различимы стали люди, работающие в садах. Наконец, тропинка привела его к скале на окраине улицы, из которой бил родник, роняющий свои воды в каменную чашу. Он наклонился над ней, умыл лицо и начал с жадностью пить, наслаждаясь живительной прохладой.

– Вкусно? – спросила его подошедшая девушка восточной внешности. Она застенчиво улыбнулась, обнажая безупречно белые зубы.

– Да... – растерянно ответил он.

– Вы пейте, пейте. Здесь самая вкусная вода во всей деревне.

Но пить ему больше не хотелось. Он застыл в изумлении: это была точь-в-точь его невеста, такая же молодая и красивая.

– Почему вы на меня так смотрите? – спросила девушка.

– Вы очень похожи на мою невесту..., – смачивая слюной вдруг пересохший язык, он не договорил фразу и поправился: – ... На одну знакомую из моей прошлой жизни.

Она улыбнулась и робко предложила:

– Пойдемте со мной. Вы, наверное, голодны с дороги? Я вас накормлю.

Мустафа, словно загипнотизированный ее голосом, смог лишь кивнуть.

– Вещи не забудьте, – подсказала она и снова мягко улыбнулась.

Он взял свой вещмешок и послушно последовал за новой знакомой, вглядываясь в ее гибкий стан. На плече она несла кувшин с водой.

– Вот и пришли, располагайтесь, – указывая на беседку в саду, пригласила девушка. – Я сейчас чаю зеленого принесу.

Он расположился на мягких подушках, рядом раздавались звонкие голоса детишек, игравших во дворе. Увидев незнакомца, дети, несколько не испугавшись, подбежали к нему.

– Дядя! Дядя! Вы путник? – спросил мальчик постарше.

– Да.

– Путник! Путник! – закричали дети и убежали.

Девушка принесла ему чай и лепешку.

– Угощайтесь!

– Спасибо.

Мустафа прихлебывал чай из пиалы и осматривал сад.

– Какой у вас прелестный сад, – он вдохнул аромат, исходивший от яблони. – Наверное, не просто за ним ухаживать?

Она опять молча улыбнулась.

– Путник! Путник! Пойдем с нами, – позвали Мустафу дети. Он вопросительно посмотрел на девушку.

– Идите. Они вас зовут. Что же вы?

– Смотри, – тот же мальчик показал рисунок на стене дома, – это мама. Это мы. А это ты – путник.

– Откуда вы знали, что я приду?

– Знали – и всё! – ответили дети.

Когда он, поиграв с ними, вернулся в беседку, девушка сказала:

– Пойду прочищу арык, – в ее руке была мотыга.

– Я помогу?

– Если хотите, – ответила она, указав свободной рукой на другую мотыгу, и опять загадочно улыбнулась.

Они прошли через весь сад и стали очищать арык, а дети в это время сплавляли по нему бумажные кораблики. Мустафе было так хорошо, так легко и приятно работать, что он подумал: «Так бы и остался здесь навсегда».

– Оставайтесь, – ответила девушка, словно прочитав его мысли. – Вместе будем возделывать сад.

– Вот мир, в котором я хотел бы жить, – глядя на журчащую воду, прошептал он, даже не удивившись проницательности своей спутницы.

Больница

– Господи! Я Твой, возьми меня Себе! Возьми! Я заблуждался! Я бродил в потемках. Нет! – закричал он, закрывая лицо руками, – вы не должны меня забирать, пусть другие придут. Я служил обществу, я всю жизнь старался для людей!

– Тихо! Успокойся! Не кричи, милоч, а то всю больницу на ноги поднимешь.

Сергей Андреевич открыл глаза. Очертания людей, окружавших его, были неясными. Существа в черных одеждах протягивали к нему свои белые обрубки.

– Вы обманываете меня, этого не может быть, я умер! Какая больница? Вы на службе у дьявола и хотите забрать меня в ад?

– Эй, не говори так, нехорошо! Зачем, ай-яй-яй!

Понемногу он стал приходить в себя. Увидел белый потолок с треснувшим плафоном и яркий свет, брызнувший в глаза. Он снова на секунду зажмурился от боли и только после этого отчетливо разглядел окружавших его людей. Все они были одеты в черные халаты и пижамы, а руки, показавшиеся ему обрубками, были просто-напросто замотаны бинтами.

– Ну, ты, мужик, даешь! – молодой человек издал какие-то звуки, отдаленно похожие на смех, – засланцы дьявола! Круто, так меня еще никто не называл! Прет тебя, дяденька, по-черному, как будто дури путевой дунул. Гы! Гы! Гы!

– Отстань от него, дитя перестройки. Видишь, человек еще не оклемался. Пусть милоч отдохнет, вздремнет, а с утраца сам разберется, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.